

Белоснежный кот соблазнительно извивался, его пышная длинная шерсть волна за волной покачивалась в такт, создавая невероятно странное, почти мистическое зрелище. Цинь Цзинь подумал, что питомца, пожалуй, стоило не кастрировать, а показать даосу и мастеру фэншуй: первый изгнал бы одержимого кошачьего демона, а второй отсекал бы бесконечные любовные соблазны кое-кого.

Музыкальная композиция длилась не больше трех-четырех минут. Цинь Цзинь специально сверялся с хронометражем: ровно три минуты сорок секунд. Немного помявшись, он так и не выключил колонки — в конце концов, это было бы неуважительно по отношению к танцующему.

Большая часть времени уже прошла, оставалось потерпеть чуть больше минуты.

И пока эти тягучие секунды казались вечностью, мелодия наконец подошла к концу. Утонченное лицо Ли Сяньфу, озаренное лунным светом, застыло, словно святой образ на картине.

Окружающие смотрели на него горящими глазами, их дыхание пресеклось, тогда как сам танцор, пленивший их разумы, выглядел безмятежным и возвышенным, отчего вся сцена приобретала тонкий ироничный оттенок.

То ли официант за пультом тоже застыл в оцепенении и забыл о своих обязанностях, то ли случайно нажал не на ту кнопку, но музыка прекратилась совсем. Струи музыкального фонтана постепенно утихли, и лишь в самом центре продолжал в тишине циркулировать главный фонтан.

«Пляп!»

Бутылка с соком выпала из рук одного из гостей, окропив все вокруг. Его спутник, тоже застывший в небытии, среагировал с запозданием, и его брюки покрылись красными пятнами.

Ли Сяньфу равнодушно окинул толпу взглядом и понял: эффект достигнут. Отныне он навсегда избавился от ярлыка «электрического волчка» и превратился в недостижимый «белый лунный свет».

Прием «приманивать, делая вид, что отвергаешь» сработал безукоризненно. Закончив танец, Ли Сяньфу сослался на недомогание и покинул площадку, поручив Ли Аньцину уладить оставшиеся формальности.

Будучи одним из немногих, кто сохранил трезвый ум, Ли Аньцин размышлял лишь о том, не стоит ли укрепить порог их дома. Впрочем, по его бесстрастному лицу прочесть эти мысли было невозможно.

Ли Аньцин сделал шаг вперед и небрежно произнес:

— Моего младшего брата во время танца укусил в шею комар. У него чувствительная кожа, так что ему нужно вернуться в комнату и нанести мазь.

Никто даже не задумался, откуда осенью взялись комары. Несколько избалованных богатых наследников, все еще находившихся под впечатлением от танца, тут же праведно возмутились и начали озираться по сторонам... пытаюсь найти этого дерзкого и наглого комара.

А представив, как на этой изящной, словно у белого лебедя, шее появился маленький красный

бугорок от укуса, они и вовсе погрузились в весьма двусмысленные фантазии.

Они и сами были бы не прочь оказаться этим комаром! Проигнорировав их томительное вожделение, Ли Аньцин спокойной и размеренной рукой довел дело до конца.

— Давайте еще раз поздравим короля сегодняшнего бала, господина Лю Юя.

Аплодисменты раздались жидкие и неуверенные, да и сам Лю Юй пребывал в прострации. Он смутно услышал хлопки, чисто на автомате кивнул, и только после окончания вечера, уже усевшись в машину, Лю Юй наконец очнулся от бесконечной вереницы грёз.

«Какой упоительный вечер», — подумал он.

Схожие мысли витали в головах большинства гостей. Тем временем Ли Сянфу, уже принявший душ и накинувший свободный банный халат, тихо прошептал:

— Какой замечательный вечер.

Он имел в виду не бал, а ясную луну на небосводе. Лунный свет был настолько ярок, что звезд почти не было видно — она сияла в своем одиноком великолепии.

Совсем как он сам.

Позабавленный собственной нарциссичной мыслью, он пошел открывать дверь на стук, и на его губах все еще играла легкая улыбка.

Люди с несокрушимой волей практически не поддавались воздействию «Бесконечного занавеса». Цинь Цзинь в свое время перенес бесчисленное множество осознанных снов, устроенных Системой, так что в определенном смысле его сердце было твердым, как сталь. Он не потерял голову от сегодняшнего танца, однако этот мимолетный смех буквально сразил его наповал — он застыл на пороге, не в силах вымолвить ни слова.

Ли Сянфу пришлось заговорить первым:

— Что-то случилось?

— Я забыл, — ответил Цинь Цзинь.

— ...

Какой искренний и прямолинейный ответ.

Цинь Цзинь, который был чуть выше ростом, посмотрев на Ли Сянфу, заметил проглядывающую из-под выреза халата белоснежную кожу... и почувствовал, как к щекам приливает жар.

В прошлом Ли Сянфу оказывали внимание неисчислимое количество раз, так что он мгновенно уловил эту вспышку эмоций, находя ее весьма любопытной. Гость сперва заворожился его улыбкой, и лишь затем обратил внимание на остальное. Такая бессознательная реакция легко вызывала симпатию.

Изрядно вымотавшись во время танца, Ли Сянфу прислонился к стене, чтобы облегчить ломоту в пояснице, и подшутил:

— Похоже, ты сразу перешел к стадии склероза.

На самом деле, открывая дверь, он не думал о некоторой небрежности в одежде. Доверие к Цинь Цзиню и то, что тот полминуты не сводил глаз с его лица, заставили его отбросить кое-какие догмы. Раньше Ли Сяньфу непременно попросил бы Цинь Цзиня подождать у двери и переоделся бы в закрытую домашнюю одежду.

Цинь Цзинь же решил, что тот просто слишком устал и не заметил открытого ворота. Пометавшись между желанием насладиться зрелищем и стремлением не пользоваться моментом, он в итоге нахмурился и поправил воротник халата, запахивая его поплотнее:

— Не простудись.

— ...

Подняв глаза, Цинь Цзинь встретился с многозначительным взглядом Ли Сяньфу и внезапно замер.

В некоторых вещах их мысли коренным образом расходились — как, например, в истории с недавним подарком, — однако на большинстве волн они совпадали идеально. По крайней мере, сейчас он предельно четко понял этот взгляд.

Замечательно, он снова упустил шанс.

Цинь Цзинь подумал секунду, затем распахнул воротник обратно на прежнее место и с серьезным видом произнес:

— Если станет прохладно, можно включить кондиционер.

Ли Сяньфу повернулся и пошел к окну. Дверь осталась открытой, что служило недвусмысленным намеком: они могут немного поговорить.

Цинь Цзинь прошел вслед за ним:

— Человека, который подкупил мою мать, нашли. Это Су Тао.

Ли Сяньфу не был удивлен новостью; удивило его то, что Цинь Цзинь по-прежнему нашел в себе силы назвать ее матерью.

Словно прочитав его мысли, Цинь Цзинь беззаботно и сухо отозвался:

— Как-никак, она подарила мне жизнь.

За прошедшие годы ему пришлось пережить немало невзгод, но жизнь состояла не из одних лишь лишений. Теплящиеся в памяти светлые мелочи согревали и заполняли душевные бреши.

— Су Тао... — Ли Сяньфу повторил это имя и сокрушенно покрутил головой.

Су Тао очевидно не боялась ни мести, ни тюрьмы. Ее единственным уязвимым местом была Цинь Цзяюй, но и эту уязвимость он сам же недавно отправил восвояси.

— Похоже, тебе придется просто проглотить эту обиду, — со смешком сказал Ли Сяньфу.

— Несколько артистов уже подали коллективный иск, да и кредиторы наступают ей на пятки,

— возразил Цинь Цзинь. — Так что в ближайшее время наступит хоть какое-то затишье.

Ли Сянфу тихо фыркнул и вновь плотно затянул пояс халата, на этот раз наглухо скрыв обнаженную кожу.

— Ты выиграл пари. Чего ты хочешь?

Согласно условиям недавнего пари, победитель мог потребовать от проигравшего исполнить одно желание.

Цинь Цзинь поглядел на его застегнутый на все пуговицы банный халат и со вздохом сказал:

— Кастрировать Хунчэня.

— ...

— Это шутка, — переменял тон Цинь Цзинь и серьезно добавил: — В следующем месяце у меня ежегодный отпуск. Как насчет того, чтобы отправиться в путешествие?

— У Шаша начинается учебный год, — ответил Ли Сянфу.

Если оставить этого сорванца без присмотра, он же весь дом на уши поставит?

— Тогда изменим условие. Вместо поездки отправим Ли Шаша в школу-интернат, — предложил Цинь Цзинь.

Тактическими уловками Цинь Цзинь владел мастерски и прекрасно знал, какой выбор сделает Ли Сянфу.

Встретившись с ним взглядом, Ли Сянфу в итоге не решился кастрировать Хунчэня и пожалел отправлять Ли Шаша в интернат, так что согласился на его первоначальный замысел:

— ...Лучше уж поедem в путешествие.

Желанный отдых вдвоем был достигнут, но не успела в глазах Цинь Цзиня вспыхнуть радость, как он вдруг нахмурился.

Ли Сянфу тоже уловил подозрительный шум, и в следующую секунду раздался исполненный праведного гнева крик Ли Шаша:

— Папа, держи извращенца!

Ли Сянфу даже не успел опомниться, как быстрыми шагами выбежал из комнаты.

Из кабинета донеслись вопли: Ли Шаша грозно замахнулся бейсбольной битой и со всей присущей ему экспрессией проскандировал:

— Откуда приперлась эта крыса?!

Незванный гость не пытался дать отпор, а лишь уворачивался — было очевидно, что он не вор и не замышлял ничего дурного.

Увидев эту картину, Ли Сянфу нахмурился:

— Ты как здесь оказался?

Затем он перевел пристальный взгляд на второго и спросил:

— А ты что здесь делаешь?

Он узнал человека, закрывавшего голову руками — это был один из гостей сегодняшнего бала и приятель Лю Юя. В прошлом месяце Лю Юй даже приводил его к Семье Ли на обед. Что же до Ли Шаша, то ему тоже незачем было торчать в кабинете посреди ночи.

— Я пришел повторить реплики для спектакля и увидал, как тут кто-то подозрительно отирается, — объяснил Ли Шаша.

Крик о поимке извращенца был настолько громким, что члены семьи Ли сбежались в течение минуты; Ли Сичунь даже прибежал с огромными ножницами в руках.

Друг Лю Юя сгорал от стыда и был готов провалиться сквозь землю. Он непрерывно махал руками и уверял:

— Я не плохой человек!

А затем бросил взгляд на Ли Сяньфу и добавил:

— Просто у меня в голове замкнуло... я хотел сказать ему пару слов.

Едва он договорил, как заметил, что стоявшие напротив люди смотрят на него с крайним недоброжелательством. Особенно Цинь Цзинь — его мрачный, тяжелый взгляд оказывал колоссальное психологическое давление.

<http://bllate.org/book/18300/1757524>